

Анатолий Викторов

РОССИЯ В ПЛЕНУ ЭПОХИ

Анатолий Викторов

Россия в плену эпохи

«Э.РА»

2017

УДК 821
ББК 84 (2Рос=Рус) 6-4

Викторов А. В.

Россия в плену эпохи / А. В. Викторов — «Э.РА», 2017

ISBN 978-3-99062-228-9

Принято считать, что Россия, включая окрестные народы, находилась во власти коммунистов. Грандиозная ошибка! Ленин, Сталин и Троцкий не были коммунистами. Они были во власти тоталитарной диктатуры, которую и олицетворяли. По образу мысли они были людьми человеконенавистнического бандитского склада. По их приказам погибли около 200 миллионов человек. Народы так называемого СССР были изуродованы морально до такой степени, что будущее России находится под вопросом.

УДК 821
ББК 84 (2Рос=Рус) 6-4

ISBN 978-3-99062-228-9

© Викторов А. В., 2017
© Э.РА, 2017

Содержание

Познакомимся!	6
Глава 1	7
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Анатолий Викторов

Россия в плену эпохи

© Викторов А. 2017

* * *

Познакомимся!

Мы идём в будущее со скоростью один час в час. Надо не только смотреть по сторонам, но и обернуться, чтобы оценить пройденное. Оно явилось в XX веке катастрофой, которая унесла с собой десятки миллионов ни в чём не повинных жизней и их культуру – лицо государств. Наступил кризис человечества. Оставшиеся в живых люди не могут понять, почему явилась в недавнем прошлом небывалая жестокость друг к другу, которой нет даже в животном мире.

Проведём сравнительный анализ двух стихий, которыми наделён человек: чувства и разума, – их влияния на историю человечества. Тогда появится возможность не только лучше понять движущие начала человеческого существа, но и наметить путь в будущее без дурного выверта. Коренная черта наших ближайших предков – победа чувств и страстей над разумом. Такое привело к режимам, которые возглавляли люди, одержимые человеконенавистничеством и прикрывающиеся чувством вселенской любви к избранным ими. Новую организацию общества назвали фашизмом, и его родоначальником стала самая большая страна в мире. Она обрекла свои и другие народы на уничтожение. Человек наших дней начал понимать, что его природа способствует выбросу ничем не сдерживаемого стихийного чувства в значительно больших размерах, нежели у животных, и в нём преобладает зло. Проявляемая доброта беззащитна и недолговечна. Но она убеждает в законности разума как высшего проявления природы. Её приоритет – добро. Его должно впитать высшее существо на Земле.

Почти все привычные понятия и поступки после катастрофы продолжают иметь тот же чувственный характер. XXI век – ещё не век разума. Пробуждённая мысль наступает на чувство и доказывает, что только она может продолжить существование человеческого существа. Он уже не довольствуется скоростью час в час, а обгоняет старые понятия на путях собственной эпохи.

Новая оценочная шкала требует пересмотра почти всех проявлений человека, в том числе внутренней и внешней политики государств, организации научной деятельности, религии, художественного творчества, любви и смерти... Задача современника: проснуться от издержек чувства, своим умом оценить прошлое, понять настоящее и найти тропу в будущее.

Глава 1

Лабиринт в будущее

«Для жизни нужны живые»
Андрей Платонов

Историю человечества можно рассматривать как периодические столкновения чувства и мысли. Эти два слагаемых определяют возможности биологического организма использовать открытые и скрытые законы природы в целях более обогащённого своего существования. Разум глубже понимает природу, а это значит, что именно он определяет будущее человека, всё более отдаляющегося от животного начала. Но оно не сдаётся и объясняет это верностью своему происхождению. Начальное прошлое не соответствует развитию человека. Его природа имеет особый удел: открытия и покорения согласно своим уму и воле окружающего мира. Каждый новый шаг вызывает проблемы, которые невозможно решить мирно. Поэтому наступательная природа содержит не только добро и порождает страдания и войны. Он пробуждает мысль для попытки овладеть очередными возможностями, а чувство уводит его в непознаваемый тупик.

Учёные считают, что разум – это форма существования одной из ветвей белковых тел, зависящих от натрия и калия. Смешно! Такое людям ни о чём не говорит. Человек ощутил, что многообразие открываемого можно объединить существованием Высшей Силы. Она стала опорой сознания. Оставалось быть только верным ей. Невидимость и неслышимость способны подтверждать могущественность. Человек должен её ощущать и идти своим путем. Творец, возможно, хотел, чтобы новое существо, преодолевая препятствия, обнаружило свою растущую силу для достижения будущего. Чувственное начало Он оставил только для того, чтобы родить новые поколения.

Наверное, произошедшее подошло бы для библейской оценки **«это хорошо»**.

Дети – наследники родительских черт с чистой душой. Они ещё не могут познавать и творить, но растут не только телом, но и разумом. Спустя века стремление к познанию высоко оценил и поощрил греческий философ Сократ. Его искания секретов жизни человека и желание понять собственное существование всё более пробуждало разум. В открывшемся мире человек счёл себя чем-то особенным. Сначала такое проявилось в труде. Изготовленное открыло новую черту – собственность и её притяжение. Эта возможность использовала разум не только для защиты содеянного, но и для завоевания чужого. И приводила к трагедиям.

В Ветхом Завете Библии содержится первое сообщение о жестокости: Каин убил Авеля, своего родного брата. Столь краткая информация невольно вызывает вопрос «за что?». Никаких объяснений Писание не даёт. Даже если убийства не было, то такое сообщение говорит о намерении убить ближнего. Это не менее значимо, чем сам поступок. Значит, в человеке пробудилась ещё одна возможность, которой у животных нет. Они не имеют собственности кроме нор, берлог, гнёзд и удовлетворены этим минимумом обеспечения своего рода.

Мы вправе предполагать, что чувство собственности появилось и усилилось за счёт развития ума, попытки осмыслить мир и стало как бы частью натуры человека. Опасность утраты жизни и собственности породила страх. Животное ощущает его при угрозе своему существованию. У человека, тем более у влaстителей племён и государств, это чувство стало шире, оно соответствовало увеличивающейся собственности. Появилась политика – лукавая влaсть над собственностью, распространяющаяся без ограничения и на людей.

Влaсть утвердила культ чувства. Люди увидели, что бескрайний мир можно подчинить себе с помощью обнажённой силы. Родилось властолюбие – дитя гордыни, извращённо ориентирующее человека. Ум боролся с этим пороком, но был ещё слаб. Чувство настолько вросло в человека, что ему стало трудно ориентироваться в своей двойственной натуре. Ум подчинился чувству, и всё более чётко обозначились контуры тупика, в котором оказался человек. Люди стали бояться друг друга.

Властолюбие унижает. Оно презирает ближнего, вызывает цинизм и враждебность к окружающему миру. Возникло моральное чувство – природный закон, востребованный разумом. Он отличал добро от зла.

Такое очищение помогало понимать собственную природу, аналогичную той, что окружает человека. Одним из её проявлений стал созидательный труд и начальная культура, отражающая этапы открытия мира. Возникали более широкие мнения, вкусы и взгляды на собственное существование. Оно поднималось на новую ступень развития.

Животные не знают этого. Их труд инстинктивно проявляется в создании обиталищ для потомков. Прогресса здесь нет. Только человеческий разум мог двигать натуру человека для познания окружающего мира и овладения им. Для этого надо было побороть чувственное начало или, по крайней мере, привести духовное и материальное к относительному равновесию. Началось развитие чувства справедливости.

Разум углублял и расширял возможности чувства вплоть до того, что даже совместно они не могли понять, что происходит. Только некая верховная Властная Сила могла справиться с неутомимым миром. Перед растерянным человеком стали возникать миражи. Их стали олицетворять боги в человеческом образе – владыки каждого явления природы. Они, наглядные и осязаемые, создавали точки опоры.

Такую веру называли язычеством. Со временем стали понимать, что существует не множество сил, а единая Всевлaстная сила.

Она формировала сознание. Имена людей отразили право на нечто личное – многообразное сочетание индивидуальных восприятий и разумных осмыслений. Особенности индивидуума могли свободно проявляться. О себе заявляло накапливающееся в душе человека желание – обладание окружающим миром. Осуществить его при подчинённом разуму могло только насилие. Доброе и злое.

Второе сыграло огромную роль в судьбах последующих поколений.

Человечество пыталось разгадать причины такой напасти, которая периодически становилась катастрофической. Религиозные философы объясняли зло вмешательством «нечистой силы», начавшей действовать одновременно с силой Божьей. Это ничего не могло объяснить, поскольку во всё вмешивалось светлое желание разумно понять глубины явления, ведущее к покорению окружающего мира, но ещё не имеющее сил.

Во взаимоотношениях образовавшихся наций проявилась неприязнь ко всему живому, непохожему. Даже в мелочах. Его называли племенным. Это был очередной этап войны между растущим разумом и чувством. Ум считал, что его место – первое в поисках нового, а значит, он имеет высшее право на существование. Стало ясно, что все беды, подстерегающие человека, происходят из-за половинчатости его природы. Человек был мыслящим животным.

Невольно встает вопрос: нужен ли был разум для дальнейшей жизни человеческого существа? Он ничего сущего в ходе своего появления и первоначального развития не изменил. Не

мог спасти от уничтожения представителей собственного вида и даже рода. Однако вычеркнуть его – значит зачеркнуть человека. В этом существе развились заложенные многообразные качества, и всё шире открывалась перед ним панорама неизведанного. Оно порождало множество непредугаданных извращений: себялюбие, ложь, тщеславие, лицемерие. Наконец, собственность. Это качество пытается доказать совместимость нечистого чувства и чистого разума. Ложь в соединении с правдой затрудняет взгляд на дальнейший путь человечества.

По мере такого развития стали возможны всё большие столкновения себялюбивых сил. Последующая история человечества – кровавые войны друг с другом, а также бескровные войны с собственным пороком. Добро и зло не могли достичь между собой согласия из-за неуправляемых разумом чувств и вспыхивающих страстей. Ум мог только извещать об уже случившемся.

Войны, не обращая внимания на возникшую мораль, развивали злую энергию людей. Опыт и характер народов утверждали хозяйские и рабские чувства.

Проповедники добра пошли против такого изоляционизма и основывались на спасительных законах нравственности, соединяющих человека с общим чувством ответственности. Люди стали понимать: ребёнок, живущий чистым чувством, прав, поскольку он – существо будущего не только в физическом, но и в нравственном отношении.

Гордыня уже не отдельного лица, а племен и государств, проявления боевой отваги, благородное рыцарство возводили властность в высокую норму, которая была в каждом случае односторонней и проигрывала в борьбе с противником, даже если тот бывал побеждён. Дискомфорт и желание поверженного мстить вызывали поиски выхода посредством причинения зла. После временного удовлетворения победителя такое желание снова приносило страдания.

Конфликты инакомыслия, рождённые образовавшейся личностью, также не могли найти соразмерного с чувством понимания. Ум, несмотря ни на что, находил возможности для своего развития. В одних случаях разум мотивировал чувство, в других оно подталкивало разум к взаимному удовлетворению. Сказывалась власть над вещью и над человеком, удовлетворяющая чувство собственности. Оно доминировало над знанием и находило новые способы утверждения – отчуждение от других, лукавство и умолчание, якобы могущие одержать победу в борьбе за возникающие цели.

Ложь казалась более лёгким способом достижения желаемого. Многообразие впечатлений, искусственно возведённое в «общий знаменатель», снова вело к нетерпимости одних по отношению к другим и прикрывало фальшивую победу. Так казалось. На самом деле ложь приводила в лабиринт с высокими стенами, и человек продолжал искать выход.

Нужна была помощь. Ею стало, согласно Библии, вмешательство Высшей силы, понимаемое как убедительное наставление справедливости и разума, а также направления чувств. Библия говорит о четырех случаях такого вмешательства или попыток извлечь резервы человеческого духа. Сначала было созидание мыслящего человека. Высшая сила знала, что его греховности не избежать, и поэтому Бог, – так называем созидающую силу, – изгнал его из идеальной среды, где могло быть лишь бездумное существование.

Не помогло.

Было предпринято ещё одно действие, карающее всё греховное человечество – потоп. Оно значило, что Создатель хотел испытать возможности человека в борьбе с опасностями его существования.

Не помогло.

Это были целительные наказания, но человек убеждался только в том, что он остаётся прежним, и продолжал ощущать растущие проблемы в своём развитии.

Явились существа высшего знания: Моисей, Христос, Магомет и Будда. Они предстали в близком каждому будничном, – не ангельском! – облики. Христос заявил о себе как основа-

тель новой морали и нравственной силы. Его слово вошло в первоисточник – Новый Завет. Это были пророчества о возможностях человеческого существа, но не того времени, а будущего.

Такие пророки оставались мудрыми людьми своего времени, уникальными существами, которых ранила беспомощность людей. Нужен был свод спасительного просвещения. Они стали посредниками между настоящим и будущим человечества, дабы он осознал своё несовершенство.

Первый носитель нравственных заветов, Моисей, возвестил слова Торы: *«Не убивай, не прелюбодействуй, не кради, не лжесвидетельствуй, не желай жены ближнего своего, дома, поля...»* («Второзаконие»: 5.17.23; 5.12.23). Это был результат осознания человеком своей особой роли созидателя и хранителя. Моисей основал секту левитов, говоря современным языком – священников, наделив их соответствующими полномочиями. Народ, – евреи, – подвластные левитам, должен был подчиняться правилам употребления только определенных видов пищи, одежды, образа поведения, соблюдения условных обрядов. Нарушение считалось уходом от веры. Наказания грешников были разрешены и породили не постижение веры, но страх – духовное развитие путём принуждения: *«Выведи мужчину или женщину, которая сделала зло сие, и побей их камнями до смерти»* («Второзаконие»: 17.5).

Были нарушены основополагающие чувства добра. «Второзаконие» говорит, что Бог наказал Моисея за проповедь насилия, запретив ему окончить свою жизнь на земле Палестины. Его тело было похоронено вблизи Иерихона на границе объявленной им иудейской земли.

Несмотря на это, последователи иудаизма продолжали учинять физическое насилие над людьми, не соблюдающими религиозные абсолюты. Завет *«не прелюбодействуй!»* они применили с насилием, и только последние поколения поняли, что такой поступок может потерять свою греховность, когда любовь станет отражением духовной, а не только чувственной общности мужчины и женщины. Однако эти заповеди и их практическое применение живы и поныне.

Иудаизм и ислам сохраняют правила жизни давнего прошлого. Оба учения считают, что будущее должно быть неизменяемым и этим воспитывают ксенофобию. Упомянутые религии глушили истину, а разум познавал, что должен быть свободным. Тогда он овладеет будущим. Г. Гегель сказал: *«Zur Grunde kommen ist zur Grunde gehen»* (*«прийти к основанию – значит прийти ко дну»*). Большинству людей было трудно воплотить это. Они заменили сущность формой.

Она стала символом слепой веры, практически отчуждения людей друг от друга.

Иудаизм отражает внешнюю сторону поступков, – а не суть поведения! – враждебную тем, кто отвергает созданные им стены между людьми. Иудеи оправдывались и велели человеку отдалиться от людей, не уважающих эти преграды. Методом изоляции стали религиозные формальности. Замкнутый образ жизни отделился от противоречий, и они казались менее влиятельными. Проповедники фундаментальных религий – иудаизма и исламизма – считают, что надо служить Богу, но не человеку. Вера в Бога была принята чувством, а разум оставался неудовлетворённым. Фанатизм такой религии затормозил развитие людей. Сегодня он говорит о зле, живущем во всех проявлениях – политических, религиозных и бытовых.

Другие проповедники пошли против такого изоляционизма. Они основывались на спасительных законах нравственности, соединяющих человека с человеком общим чувством ответственности. Люди стали лучше понимать уже дошедшую до них истину, что ребёнок, живущий чистым чувством, всегда прав, поскольку он – существо будущего. Значит, открыта дверь разуму. Его развитие может привести к синтезу зарождающегося и развившегося, то есть к оптимальному сочетанию возможностей.

Всё это ещё раз говорило о ненужности формы во имя содержания. Форма стала ложным символом веры и породила отдалённость людей друг от друга. Она играла свою роль, внушая первоосновы общечеловеческой мудрости, а в дальнейшем доказала свою ненужность.

Этому ответило учение и поведение Иисуса Христа. Именно оно стало притягательным для значительной части развивающегося человечества, поскольку повело его не по существующему уровню, а вверх.

Христос показал, что разум и руководимая им воля – это и есть искомые начала, и они должны служить людям. Если в Ветхом Завете сказано, что Бог сотворил человека по Своему образу и подобию, то имелось в виду не тело, но мудрость и дух, могущие развиваться в Его творениях. Тело человека стало предметом второстепенной важности, готовым к любому страданию, что и показала судьба Христа. А распять душу невозможно. Ей оставалось только страдать и расти.

Христос призвал человека соблюдать правила своего существования. Он пытался пробудить в нужном направлении чувство, поскольку оно в ту пору доминировало и могло являться стартовой основой учения о самоуважении людей и рождении гуманизма – пропуска в будущее. Он призывал к нетронутости внутри самого вида. Это был возврат не к животному состоянию, а к законам природы, которые нельзя нарушать, но можно применить для ускоренного роста избранного существа.

Рост человека может привести к синтезу зарождающегося и развившегося, то есть к сочетанию желаний и их доброго воплощения.

Появились гностики – люди, удовлетворённые самой идеей христианства, отвергающей языческие начала. Они сохраняли компромисс, который можно считать нравственным явлением того времени. Это вело к большей разумности, которая становилась всё более полноценной частью человека. Этику отношений и поступков изложили в своих заповедях апостолы, признанные стать первыми учителями христианства. Их наставления сильны мудрой простой восприятия всего сущего. Это должен был принять разум. Но до таких его возможностей ещё надо было дорасти.

Человек не проник во все тайны своего существования, и некоторые поступки Иисуса Христа назвал чудесами. «Волшебства» явились своеобразной рекламой христианского будущего.

Первая и основная его заповедь говорит: *«Блаженни нищии духом, яко тех есть царствие небесное»* (М. Ф. 6/5). Если понимать поверхностно, то это говорит об отказе от духовности. На самом деле эта заповедь говорит об альтернативе, открывающейся перед человеком. Проповедник не хотел, чтобы его догма принималась за что-то незыблемое, и утверждал равенство между верующими и неверующими. Следствие этого мы ещё покажем, а пока скажем, что это – первое проявление человеколюбия. Подобное равенство отвечает развитию человека и расширяет его понимание добра. Он добивается нечто полезного, творит что-то осознанное и потому необходимое. Слово «нищие» – это не обездоленные раз и навсегда люди, а «ищущие» в своём обеднении силу духа и знания. Они добиваются чего-то полезного, творят что-то необходимое. Просыпается сопротивление, воля с обратным знаком. Разум и чувство, борясь друг с другом, в конечном счёте движутся по спирали вверх. Чем круче становится такой подъём, тем сильнее сказывается инерция, стремящаяся остановить развитие. Её результаты мы покажем ниже.

Значит, первая заповедь – призыв не к сохранению бедности духа, а к личному поиску душевного обогащения во имя будущего. Она также говорит о том, что человек не должен загружать свою память знаниями до того, как он добьётся собственного понимания всего окружающего его на очередном этапе существования. Кто не сможет понять это, не приобщается к новой морали. Новый Завет называет таких людей кабинетными книжниками и лицемерами – фарисеями.

Завет *«не убий»* показал, что он не мог быть полностью принят сотнями новых поколений. Всепрощение в Евангелии стало первым законом, повелевавшим отвергнуть конфликты между людьми и провозгласить добро как сущность природы человека. Это противоречило духовни-

кам древней Палестины, но семена добра были брошены. Христианские заповеди нарушались, однако их дух витал над людьми и влиял, по меньшей мере, на их подсознание.

Природа человека оставалась несовершенной. Заповедь *«ударившему тебя в щёку, подставь другую»* привлекает внимание, но в наши дни, продолжающие развитие чувства, она нереалистична. Евангелие содержит обращение *«рабы Божии»*. Подобная оценка человека не может быть принята современниками, поскольку противоречит сознательной борьбе с агрессивным силовым началом. Оно, как и мусульманское унижение молящегося, подразумевает неприятие роста человека и потому понятно только людям уходящего времени. Подобные натуры людей передал нам художник средневековья, Иероним Босх. В приведённой в начале главы картине Христос, несущий крест, никак не может влиять на людей, не так далеко ушедших от животного состояния.

Конечный смысл христианства раскрыт в *«Откровениях Иоанна Богослова»* – главе, заключающей Новый Завет. Она говорит о трагических впечатлениях чистого человека от своей греховности и отражает его растерянность перед духовной стихией. Автор воссоздаёт образ возмездия, называемый *«Страшный Суд»*.

Эта инстанция справедлива по своей форме, но её функция должна заключаться не в устрашении виновных, а в обращении к разуму, который не накажет, а вразумит. Только страшить человека – это ещё один путь к неволе и неверию. Человек получает свою долю страха, но ещё не понимает, что развитие разума может убрать самого его.

Попробуем условно признать, что Страшный Суд уже свершился в XX веке. Суд удался на совещание, которое оказалось нескончаемым. Значит, приговор остаётся не за теми, кто вроде бы сидел за судейским столом, а за аудиторией, которая, подобно присяжным заседателям, должна огласить вердикт в отношении самих себя. Его уже вынесли на Нюрнбергском судебном процессе в 1946 году. Однако мир людской не изменился. Он не смог решить задачу, заданную ему прошлым, не усмотрел вину, касающуюся его самого и, не задумываясь, продолжил творить настоящее согласно степени своей незрелости. При этом бывал настолько обескуражен, что даже порождал мысль отвергнуть прогресс, не обращая внимания, что это закон природы. Таким было следствие отчаяния и желания возврата противоречивого развития к первобытным началам.

Иоанн Богослов открыл конечную цель христианского учения: *«...и показал чистую реку воды жизни, светлую как кристалл, исходящую от престола Бога и Агнца. Среди улицы его и по ту и по другую сторону реки, древо жизни, двенадцать раз приносящее, дающее на каждый месяц плод свой, и листья дерева – для исцеления народов»* (Н. З. Гл. 22–1,2).

Как видим, *«Откровения»* не останавливаются на каком-либо суровом приговоре, а влияют на достижение счастливого будущего средствами добра. Они говорят, что всё христианское учение имеет в виду не современника той поры, а человека, достигшего высокого развития. Такой вывод может не радовать своей отдалённостью, но он перспективен. Считают, что Христос был близок к всемогуществу. В этом содержится намёк на то, что человек сможет когда-либо осуществить Божественную волю: исцеление больных, хождение по воде, кормление любого количества людей и прочее. Всё это – результат победы разума. Сегодня мы уже начали постигать это, и можем по-новому оценивать учение Христа.

Среди немногих людей того времени, более полно ощутивших будущность христианства, были монахи – тамплиеры, родоначальники вооружённого рыцарства. Их движущим началом было сильнейшее впечатление, которое они получили от христианских проповедей и более зрелый разум для их воплощений. Они поняли их умом, выросшим в монастырском уединении, но были недолговечны, поскольку мир до них ещё не дорос.

Люди нередко спрашивают: *«в чём цель жизни?»*. В будущем! Тогда зрелые люди смогут воплотить и оценить мудрость предков, в том числе проповедников и продолжателей общего развития.

Мы обозначили начала разума человека.
Посмотрим, что произошло дальше.

* * *

Противостояние чувства и разума продолжалось и сказалось в виде войн и преступлений.

Прошло немало поколений, пока человек не понял, как ему следует поступить с собственной недобротой. Надо стать выше её. Иначе человеку и разуму не жить. Опасность самоуничтожения привела к спасительным рамкам – нравственному закону и к его следующей ступени – юридическому праву. Обратим внимание, что они возникли в период, когда опасное противостояние людей и государств достигло своего апогея.

Такое произошло в рабовладельческом Риме, где происходил большой разгул страстей: казни людей, провинившихся даже в малых проступках, – тюрем и лагерей ещё не было; праздники публичных столкновений на арене, кончавшихся смертью ни в чём не повинных людей, – гладиаторов; изысканная проституция; грабеж соседних государств; разделение населения волей верхов на господ и рабов.

Был создан первый письменный свод законов, получивший признание и названный «Римским Правом». Рамки закона стали противовесом произвола. Следствием стало также принятие Права рабами Империи, увидевших в нём ограничение своих страданий. Войны остались и лицемерно прикрывались новыми законоположениями. Пришло понятие чести: у одних мерами соблюдения человеческого достоинства; у других – жестокостью.

Снова появились противоречия. Наказание стало пониматься как зло, несмотря на его кажущуюся справедливость. Противостояния разума и чувства даже в своде законов могли бы найти своё спасение, но людей судил не Бог, а лицо с общими для всех чертами. Преступник и судья – оба люди.

Найденное разумом Право становилось уважаемым, поскольку оно несло независимую от обстоятельств справедливость. Римское Право стало основой законодательства многих стран. Оно утвердило появление кланов, объединений, этносов, основывающихся на различном толковании поступков, к созданию кругов с общим пониманием справедливости. Были приняты условия мирных взаимоотношений между людьми.

Человек искал защиту от самого себя и себе подобных. Такой поиск мог привести к гармонии существования. Право – дитя нравственности, учитывающей возможности человека – выросло на верности основам его созидания, представляющим собой добро. Можно ли уравнивать эти основы со всем, что произошло в дальнейшем? Это невозможно для человека, остающегося на прежних ступенях развития.

Жизнь принесла компромисс.

Она постоянно напоминала человеку, что окружающая его природа – зеркало справедливости. Единство людей может быть всеильным, если они станут верными ей. Для этого надо впитать окружающий мир, и тогда придут новые открытия. Соприкосновение с природой принесёт людям ещё неизвестные духовные богатства во всем их неиспользованном могуществе.

Американский философ Генри Торо в XIX веке, после разочарования в поисках правды среди людей, также пришел к выводу, что только в жизни природы можно увидеть справедливость. Естество может иметь большее значение для развития сознания человека, чем последующие нравоучения. Торо, разочаровавшийся в воспитании современного ему человека, писал: *«Старость не столько получила, сколько утратила... Её опыт слишком ограничен. Передо мною жизнь – опыт, почти не испробованный мной, но мне мало толку от того, что они его проделали».*

Это был шаг к чистой основе, на которой можно развить разум, и одновременно – к пониманию ненужности, находящихся вне разума условностей, которые могут нелепо выглядеть

на ступенях очередного развития. Учитывать продолженную от природы эволюцию человека, значит суметь лучше понять причины конфликтов между современными людьми и мирно противостоять им. Таков вывод, сделанный Г. Торо.

Тогда мыслящий человек, а не только «наместник» Бога, может творить чудеса. То, что называют «чудом» в евангельском изложении – это метафора для показа возможностей развития, если человек безмерно поверит в собственный разум. Ветхий и Новый Заветы учат достижению духовных открытий, развитых верой в добро и вдохновлённой ею волей.

Вера в высшую силу как в духовную основу стала не просто накопленным знанием, а душевным чувством, которое нуждается в абсолютном доверии к нему. Русский мыслитель наших дней, А. Тарковский, сказал: *«Вера – это единственное, что может спасти человека... Иначе что бы мы могли совершить? Это та единственная вещь, которая бесспорно есть у человека. Всё остальное – несущественно»* (по Н. Болдыреву). Вера, как он понимал, это человеческая душа, познавшая свой путь.

Человек нуждался в системе верования – религии. Та, он полагал, может стать фундаментом для дальнейшего созидания, в чём бы оно ни выражалось. Религия – основа, опираясь на которую, можно встать с колен. Такое развитие давало надежду на дальнейшее существование разума. Вера в невидимое начало – это обращение души к чувству ещё неосмысленному и требующему нечто видимого и осязаемого. То, что человек хотел возвести веру в материальную основу, влиятельную своим наглядным существованием, было наследием язычества. Оно не умерло. Храмы содержали «священную» утварь и торжественные одеяния священнослужителей. Эти способы внедрения веры принимались, но в дальнейшем стали условными и менее нужными.

Продолжались нарушения нравственных основ. Открывающаяся новой техникой безбрежность окружающего мира и расширение желаний овладеть всем видимым опрокидывало запреты. Много времени прошло с тех пор, как до разума стало доходить, что во имя сохранения человеческого рода надо бороться со всем тем, что его подавляет.

Это стало преобладающим нравственным началом в Европе и Византии. И в некоторой степени новой чертой человеческой природы, несмотря на множество препятствий. Люди, прикрываясь авторитетом Евангелия, Торы и Корана, творили добро и зло и не принимали дух человеколюбия, провозглашённый основателями религий. Благими намерениями, как показала жизнь, может быть вымощена дорога в ад. Этим несовершенный человек оправдывал иной раз свою пассивность и неверие. Обрядовый институт церкви стал ещё одним прикрытием слабостей человека. Он не мог дорасти до понимания, что выходом из положения может стать учёт высших и низших собственных качеств в целях осознанного движения вперёд. Для них было проще погрузиться в тщеславие и интриги для обретения власти и богатства.

Война приводит к миру. То и другое обостряло умы и призывало к большему осмыслению действительности. Коренная человеческая натура не считалась с тем, что лишена понимания, и продолжала проявлять себя как придётся. Мир заполнялся невеждами даже в лучшие времена.

Властные отцы внедряли религиозные обряды, носившие в этих условиях лицемерный, чувственный характер. Соблюдение церковных традиций затемняло основы веры. Из этого положения был найден выход – создание поста безгрешности в системе храмовой власти. В Риме появилось «папство».

Появление некоего наглядного и слышимого принесло некоторое удовлетворение. Храмовая религия с её чиновными ступенями продолжала привлекать верующих как особое властное учреждение с «наместником» Бога на Земле. По отношению к нему ум показывал себя как более активное начало. Чувственное начало религии мешало ему. Постепенно люди стали понимать, что труд и ум – нечто главное. Место церковной религии занял честный труд. К этому пришли протестанты в лице монаха Мартина Лютера. Только в двухсотлетнем будущем они стали верой разума и его видением будущего.

Одновременно человек продолжал считать насилие допустимым явлением, выявляющим такие качества как мужественность, доблесть, отвага. Подобные черты имели вес в освоении природы, а также в борьбе человека с человеком, и стали приносить одностороннее удовлетворение. Запутавшийся в моральных оценках человек шёл к экстремальному поведению, разрушающему проблемы добра и сохраняющему зло.

Зло смеется над добром, которое сковано собственной гуманной сутью. Доброта не вызывает у людей столь захватывающих эмоций, таких ярких и острых переживаний, которые порой вызывает сотворение зла. Оно отвечает темпераменту человека, особенно в его активном возрасте от 20 до 60 лет. Зло динамично и может сплочать людей. В результате они унижают и уничтожают не только врага, но и самих себя, а потому борются против своего будущего. Добро должно обладать защитной силой, и если надо – жестокой. В идеале оно приходит к правилу гомеопатии: *«лечить подобное подобным»*, то есть разоблачать зло его же меньшими порциями, определяемыми разумом.

В развивающейся натуре человека продолжались конфликты. Ум успевал открыть новые возможности для проявления личности и не успевал их освоить. Разумное существо избирало цели не только чувственные.

Развитое знание – движение духа по законам бытия согласно рукотворной деятельности человека, которую он осознал как ведущую. Складывается путь, когда можно развить нечто усвоенное творческим умом и отодвинуть чувственное противодействие. Труд склонял человека к обладанию собственностью, дающей власть не только над вещью, но через неё – и над миром. Это противоречило протестантизму, но стремление к стимулу, называемому богатством, росло.

Чувство собственности – это самовластие над материальным окружением человека, подчинение его своей воле. Собственность, как и материальное тело, обладает своего рода гравитацией к источнику труда. Смешалось чувственное удовлетворение и осмысление достигнутого. Развитие собственнических черт перешло на человека. Растущее притяжение людей, как известно, может приводить к оргазму. Что тогда делать? Отвалиться в изнеможении? Это будет возврат к началу, в данном случае – к первобытному прошлому, и одновременно – рождение нового человека, который продолжит развитие предков. Всякое удовольствие содержит аспект добра. Нет его, и житейское удовлетворение носит бесцельный характер.

Проявились новые черты: прямота, резкость, сила, придающие равенству мощь, лишённую воздержания. Спектр таких черт мог не дать злу притвориться добром, а также не дать добру перейти пределы необходимой обороны и превратиться в зло.

Примером неразумных проявлений стал XIV век. Войну объявила служба инквизиции, влияние которой было большим, чем государственной власти. Это была кровавая война основ человеколюбивой веры с безверием. Христианство подверглось утверждению в формах, которые противоречили заветам четырёх Евангелий. Такая «защита» могла только опрокинуть основы веры. Добрые намерения не могут достигаться безбрежно жестокими методами. Если над верой стоит страх, то искреннего вдохновения чем-то лучшим произойти не может. Враждебность к лицу другой веры или к безверию не конструктивна. Это сказалось в так называемых крестовых походах. Их насилие противоречило христианству и не внесло лучших черт в характер человека.

Бек XVII. В Германии началась тридцатилетняя война между ортодоксами христианства и протестантами по поводу форм верования. Существо верований оставалось равным для сторон, речь шла о пролитии крови за формы верований. Можно считать это войной за формы проявления совести в то время, когда сама совесть забывалась. Внимание не обращалось и на труд, которому были также верны обе стороны. В этой вражде мы снова видим абсурдное нарушение основ во имя соблюдения её условных рамок.

Растущий разум не принимал кровавую войну верований. Возмущённый, он пытался усилить своё влияние. Нажитые жестокие наклонности, в свою очередь, влияли на человека и характер его поступков. Они уродовали натуру мыслящего существа, но и в таком состоянии он подспудно развивал свою сообразительность, совершал открытия в познании природы и техники, понимания мира и власти над ним. Большой нравственный смысл приобрели изобретения и открытия, доказывающие растущие возможности ума. Наука не только продвигала разум ввысь, но и пыталась воспитывать человека в духе понимания цельности своих поступков, а значит – добра. Необходимо признать, что достижения в области знания влияют, прежде всего, на бытовую сторону человеческой жизни, но не на нравственную. Проблемы остаются.

Как оборотная сторона явлений продолжала развиваться ложь. Она перешла в политику и стала в иных случаях основой государственности.

Появились характеры, отвергающие крайности в жизни человека, – в частности, роскошь и нищенство. Эти полярные черты неустанно напоминали о запредельном финале – смерти, уравнивающей всё, а до неё – мудрость золотой середины. Несмотря на её близкое расположение, к ней вёл нелегкий путь.

Его очередной этап.

Антагонист зла – чувство любви, – одно из начал самосохранения человека. Сначала воспринимается высокая её сторона. Осознать любовь как нечто вечное, как абсолютную нравственную ценность человеку бывает трудно. Иной раз это означает совершить над собой насилие. Если это частично удаётся, эгоизм продолжит своё существование и будет деформировать чистое чувство, проявлять свою приспособляемость к средствам лжи. Поиск стабильности приводит к пониманию любви сексуальной и душевной. Первая – шаткая. Вторая – основательная. Редко возникает равная склонность к обоим началам – следствие богатства духа. Приходит не только чувство опоры, но и душевного полёта с непреодолимым притяжением друг к другу. Мать, носительница любви, дарует тело. Отец – дух.

Человечество с его сотворения несло материнское начало. Оно, как и встарь, находит себя в продолжении живого рода. Ветхий Завет отразил это перед изгнанием человека из рая. Отцовское защитительное начало стало проявляться в условиях свободы. Разум всё больше понимал предназначение любви.

Появились черты культуры, в которых духовность всё больше становилась основой добрых дел. Поэтому важным стало внимание к текущей жизни, к политике, к постижению нового опыта, который требует масштабного человеколюбивого взгляда.

Убеждённая, что её вещественные символы вечны, канонизированная религия лишилась своей убедительности. С появлением новых поколений умственное начало делалось сильнее, жизненные впечатления становились богаче. В них, как оказалось, нелегко ориентироваться. Церковь не могла разобраться в изобилии возникающих проблем и не могла помочь спастись ни от одного зла, тем более – в предстоящем XX веке.

Человек пришёл к разделению труда. От собирания плодов земли и животноводства, – единая профессия! – он перешёл к промышленному производству, требующему разных умений и, соответственно, различных типов натуры. Они – показатель степени овладения личностью обилием возможностей. Одновременно это – фактор отделения людей друг от друга. Сменяющаяся альтернатива общения и отчуждения не вела к житейской гармонии. Разрыв усугубила интенсификация труда, стремление к получению большего количества плодов собственных усилий. Они увеличивали свой приоритет и породили более жесткое соревнование личных способностей. Началось состязание умов. У отстающих появилась зависть и чувство униженности.

Они ещё не отдавали себе отчета в том, что стремление человека к собственному развитию заложено в его генах, несущих разные возможности. Бороться с генным наследием невозможно, а следование ему приносит победы после ошибок и жертв.

Во множестве случаев труд стал поработать человека. Та или иная профессия и её темп стали не со ответствовать внутренним возможностям. Выбор профессии стал зависеть от социальной ситуации и потому мог не отвечать личным вкусам. Интенсификация труда стала вынужденной для хозяина и работника, равно желающих получить наибольшие средства на обогащение собственной жизни. Началась эксплуатация человека человеком. Оплата труда не решала эту проблему, поскольку ещё слабо соответствовала уровню возможностей работающего и пониманию экономической логики. Началась борьба между двумя сторонами. Требовалось, чтобы эта проблема была решена. Попытки убедить в этом азартных руководителей массового производства ни к чему не приводили. Технический прогресс ослеплял их.

Реальный выход состоял в понимании прогрессивной эволюции с тем, чтобы она нашла средства ускорения технического и культурного развития производства без угнетения человека. Хозяева и работники вели такой поиск в целях более справедливого распределения продуктов труда. Заметим: общественного, а не личного. Проверка «весовых категорий» производителя и потребителя шла на рынке и на бирже, где становилась известна весомость труда, определяемая затратами на продукцию и её спросом на данный день. Такой образ действий следовал естественному отбору животной и растительной природы.

Ближе к XX веку многие стали считать, что все ценности производит только рабочий класс. Спекулятивность такого утверждения состояла в том, что нетрудовых доходов при свободном предпринимательстве и рыночной весомости в обществе нет. Странно считать честным трудом лишь непосредственное соприкосновение человека с сырьем и со сборкой деталей для конечного продукта производства. Но боже упаси, не умственный труд, не инженерный, не на расстоянии, не через выработанные экономические, технические и научные ступени. Руководство производством, финансами, технологией в условиях естественного отбора требует организационного таланта. Он сливается с трудовыми способностями. Владельцы собственности и другие, одиозные для социалистов фигуры, являются на самом деле наиболее квалифицированными работниками с умом, развитым значительно больше, чем у тех, кто занят рядовыми операциями. Праздник труда, например «1 Мая», должен выводить на демонстрации в первых рядах банкиров с предпринимателями. Но не с кроваво-красными флагами, символизирующими надуманную классовую борьбу.

Она должна быть отвергнута ещё и потому, что человек не имеет право на насилие над ближним. Это противоречит законам рынка, то есть свободного состязания. Он должен выбирать объект своего труда и вознаграждение за него, справедливые для обеих сторон. Психологическая цель – политический строй, при котором, так или иначе, найдётся соответствие чувства и разума. Мы вправе утверждать, что культ рабочего-исполнителя носит реакционный характер.

Человек обычно не любит быстро возникающих новаций, но и не ограничивается элементарным благополучием. Он переносит свои усилия на привычное удовлетворение растущих потребностей. В древности это желание рождалось от актов продолжения рода и удачного добывания пищи.

Поиск пропитания животных вряд ли можно назвать хищничеством, – в нашем этическом понимании, – поскольку оно имеет рациональные пределы. Это необходимое для выживания условие. Ему чужды излишества. Поэтому поведение животных не бывает преступным, – даже если это крокодилы. Они дают первый урок трезвого отношения к своему существованию. Зверь осуществляет жизненные функции, необходимые не только для него, но и для сохранения природного равновесия в среде обитания. Нарушить такой баланс сил – значит нанести ущерб не только среде, но и существованию множества взаимозависимых живых существ. Инстинкт оберегает от этого их самих и окружающий мир. А человек живёт именно в нём, и его чутьё срабатывает не всегда.

Такое происходит потому, что разум усложнён властью как действительным хищничеством, то есть совершенно излишним стимулом. Человек в этих случаях не приходит к удовлетворению. Агрессивность переходит из семьи в клан, в племя, в нацию, в государство. Её цель – насыщение человека сверх того, что необходимо для его существования. Человек в этом случае лишается ограничительного инстинкта, и перед ним открывается простор бескрайней чувственной психики. Такие превращения столь сильнодействующи, что разум не всегда может справиться с ними. Появляются психические заболевания, чего животные не знают. Инстинкт продолжения рода становился не началом природного процесса, а поиском чувственного удовольствия без естественной цели.

Это, обязывающее ко многому положение, усилило страдания человека. Но инстинкт обязывал его к отбору лучшего из обилия предоставленных возможностей. Столь двойственное проявление натуры искало способы поворота на главную магистраль. И найти не могло. В поисках правды появлялась ложь. В некоторых случаях она выглядела не так страшно, хотя была не менее опасна. Снова обозначался тупик.

То же произошло с пищей. Выйдя из рамок биологической необходимости, она стала средством развития особой чувственности. Отсюда утончённая кулинария, алкоголь, курение, наркотики как растительный и синтетический продукт. А так же, как это ни странно, профессиональный спорт и некоторые виды искусств. Всё это вызывает удовольствие, но человек не учитывает, что общее количество положительных ощущений предопределено на всю его жизнь. Концентрируя их на короткое время, он тем самым как бы забирает часть своего будущего и потому умирает раньше. Получается жизнь взаймы.

Не все типы людей расположены к этому. Русские, как мы увидим дальше – нация, подверженная крайним категориям решения проблем. Возможно, что в среднем исчислении всё выглядит как оптимум. Но в максимальных проявлениях ведёт к страданиям и гибели людей.

Нравственный кризис вследствие бессистемной направленности ума дал о себе знать. Индивидуальность стала более или менее приемлемой после появления людей с разными интересами. У них возрастало значение государственной принадлежности и национальных кварталов, в которых можно уединиться. Человек не всегда замечал, что его индивидуальность в этом случае обедняется, уступая место этнической, религиозной или политической замкнутости.

Национальная колыбель способна взрастить человека. Если в дальнейшем он захочет открыть глаза и развить свою человеческую сущность, то неминуемо выйдет за милые, но узкие рамки своей колыбели. Жрецом будущего своей и других наций стал Махатма Ганди.

Первородные признаки – остаточное звено в общечеловеческой деятельности. Сохранение их на первом плане в зрелом возрасте может означать намерение не входить в общую семью народов, утвердить свою ограниченность, – ксенофобию, – и одновременно проявить снисходительность к худшим членам своей национальной семьи. Значит, обеднить нацию.

Выдающийся просветитель граф А. К. Толстой в XIX веке отверг национальную ограниченность: *«Я не принадлежу ни к какой стране – и принадлежу всем. Моя плоть русская, славянская, но душа общечеловеческая»*.

Ранние представители христианской религии были проповедниками принятия такого космополитического положения. Вспомним: *«Нет ни эллина, ни иудея»* (Послание римлянам апостола Павла по поводу всеобщности христианской религии). Оно говорит об общей морали людей. Такие творцы-евреи как Спиноза, Марк Твен, Гейне, Эйнштейн, Ландау и другие чувствовали себя свободными от сектантского иудаизма и его заповеди *«Евреи – избранная Богом нация»*. Иудаизм гордится, что его представители первыми провозгласили заповеди «не убий» и др. Это говорит не об избранности народа, а об истоке общего для всех гуманистического ручья. Освобождение от чувства национальной исключительности может помочь людям добиться победы справедливости в равном признании её всеми нациями. Состязания способностей должны происходить в широчайшем круге.

Существуют явления, выпадающие из законов состязательности. Это – интимные движения души, такие как любовь, эстетическое чувство. Они глубоко индивидуальны. Любовь жаждет всесторонней близости, а этическое и эстетическое чувство – взаимодействия. Всё это тоже можно охарактеризовать как скрытый рыночный подход. Человек, научившийся видеть и понимать мир, понял эту возможность как закон подавления многообразия зла. Взаимопритяжение стало средством обогащения человека.

Мы уже говорили, что продолжают существовать издержки разума. Возбуждённый собственными возможностями, он стал толкать людей на поступки не только против общих по биологическому роду особенностей, но и во всеобщем масштабе. Это получило название: преступления.

Наш анализ мыслящего человека неполон. Он касается лишь его врождённых качеств, но упускает глубоко скрытые возможности этого вида живого мира. Нам ещё предстоит показать их во имя будущего. Даже в скупых рамках житейской логики люди хотели бы увидеть основу здорового общества. Открыть её помешал глобальный конфликт, нарастающий в людях в течение двух последних веков. Чувство и разум в апогее своего развития вошли в смертельную схватку друг с другом. Движение к спасительной культуре оказалось не только невозможно трудным, но и трагическим. Появилась угроза эволюции и существованию человека. Как ни странно, человеческий ум после десятков веков своего развития пришел к демоническому периоду своей истории.

* * *

На ранней исторической стадии переход от одной производительной формы жизни к другой, как мы видели, совершался медленно. Человеческое общество привыкало к новым условиям и не ощущало неприятного контраста.

Другое дело – обострившая чувства и мышление человека, индустриальная эпоха.

Несложный расчет позволил американскому футурологу Э. Тоффлеру утверждать, что человек сменил с момента своего появления на Земле 800 поколений. 650 из них жили в пещерах. И только у 150-ти поколений начался умственный прогресс. Такое развитие можно обозначить кривой, идущей сначала слабо вверх, а потом резко взмывающей. На графике линия уходит за верхний край вертикали, что означает непредсказуемость явления. Остаётся считать, что за прошедшие сто, двести лет, – в исторических масштабах это мгновение! – произошёл огромный скачок в познании и покорении мира. В руки людей пришло электричество и телеграф. Созданы паровой двигатель и двигатель внутреннего сгорания, – автомобиль, трактор, первые самолеты, ракетные двигатели, – и пущены в массовое производство. Открыта электронная система мышления и информации, – компьютеры, Интернет, – также овладевшая людьми. Изобретена мобильная беспроводная связь, – радио, – и беспроводной метод передачи изображений. Началось овладение генной инженерией, – клонирование. В огромных масштабах освобождена энергия атомного ядра. Найден ключ к раскрытию законов мироздания, – теория относительности. Люди проникли в космос, – посадка исследовательских аппаратов на Луну, Марс, кометы и спутник Урана. И многое другое. Ускорение развития – 2 к 800 или 1 к 400. Это примерно 0,25 % времени существования человека.

Заметим, что такой взрывной прогресс стал достижением интеллектуальной элиты. Рядовой человек обращал на это слабое внимание, поскольку его внутренней жизни это почти не касалось. Он пользовался находками учёных для увеличения собственных удобств. Почти сто-процентная масса людей осталась верна традиционному образу жизни даже при промышленной и научной революции. Новации незаметно входили в привычную жизнь. Моральные проблемы оставались не только нетронутыми, но и обострились.

Собственность сегодня уже не является страстью человека. Он все больше воспринимает её как якорь, мешающий плыть в быстром потоке жизни. Всё большее место занимает аренда недвижимости, – жилья, – и движимости, – вещей и услуг. В последнее входит наём людей для краткосрочного обслуживания. Существуют агентства, у которых на учёте множество желающих работать. При насыщении общества материальными благами больший интерес начинает проявляться к области макро- и микрoзнания – высших проявлений разума. Мечта и действительность желают слиться.

Казалось бы, «это хорошо».

Ничем не стесняемое развитие ума и прыжок в будущее стали противоречить уровню понимания широких масс и породили более жёсткое их противостояние. Появилось чувственное отрицание прогресса, оскорбляющего в некоторых странах большую часть общества, становящейся маргинальной. Появились социальные и психологические движения, подверженные консервативному чувству, столь знакомому большинству людей. Пока это была своего рода холодная война. Одновременно с новой силой научно-технический прогресс усилил недоброе властолюбие. Оно сохраняло приверженность к прошлому складу души. Но не к копии его, а к употреблению всего нового при старых привычках жить. Приблизился новый конфликт.

Начались социальные столкновения, – например, в Англии среди ткачей, – вызванные непривычным темпом промышленного развития, интенсификацией труда и разным уровнем жизни хозяев и работников. Противостояние проявилось в XVIII веке во Франции. Монархия стала мешать жизни горожан. Они произвели освободительный, согласно их понятиям, переворот – что повлекло за собой немалое зло. Неудивительно, что насилие получило большее распространение. Прогресс представал перед человеком как явление слишком торопливое для поколения. Значит, ему надо воспротивиться. Убыстряющееся производственное развитие вызывало острое социальное противостояние, – явление Парижской коммуны, забастовки, террор в целях уничтожения владык. В XX веке, по аналогичным причинам, произошел тотальный бунт против интеллектуализма в Китае, называемый «культурной революцией». В Германии понимание свободного рынка сузилось до приоритета собственной нации и позволило уничтожать людей, не похожих на заданный образец, – нацизм.

Во всём этом таилось острое противостояние животного начала и интеллекта. Появлялись признаки глобального зла.

Характер социальных движений отличался всё большей экстремальностью. Периоды мирного развития и подавленных восстаний в прошедшие два века усилили возможности человеческого разума и одновременно дезориентировали души. Полезное действие становилось слабее противодействия. Последнее проявило себя с ожесточением, неизвестном прошлому поколению. Жестокость стала силой, соответствующей темпам научно-технического прогресса. Нецельное существо – человек! Упорядочить его натуру попытался К. Маркс.

Он оказался настолько увлечённым понятиями о насильственных путях достижения справедливости, что задуманная им вроде бы позитивная революционность заставила его забыть историческую истину, что насилие по своей природе не может приводить к добру. Идея борьбы против *«прогрессирующего обнищания пролетариата»* привела к разрушительной чувственной вспышке.

Её определила идея смертельно антагонистических классов – владельцев собственности и людей наёмного труда. Маркс не нашёл другого пути, как провозгласить кровавую войну пролетариев за силовой захват производственной собственности, то есть результатов чужого научного и организационного труда. Это учение отвечало приоритету насилия. Трудно сказать, чего в нём больше – близорукости или обмана. Философ Н. Бердяев позднее «утешил» Маркса: *«Революция – это честно сформулированная ложь»*. Можно сказать – искренняя ложь.

Она стремилась основать общество по инициативе невежественных низов при помощи компенсирующего их слабость экстремистских чувств. Такое учение стало впоследствии обвинительным заключением, ведущим к, якобы, праведному существованию.

С другой стороны заговорил разум.

Благодаря чувству самосохранения предприниматели скоро поняли, что им невыгодно обеднение людей, работающих у станка. Снижается их потребительский потенциал и трудовой стимул, увеличиваются протестные настроения, возникают забастовки. Владелец производства рискует разориться. Наступал очередной этап проявления рационализма, обогащающего первичные представления о демократической свободе.

Преобладание корректируемого предпринимателем труда над индивидуальными возможностями отвечало неравенству способностей. Человек, как и окружающая его природа, обречены на деятельное состязание. Классовое насилие вело к атрофии таких устремлений каждого человека, а значит, вело к ликвидации понятия «личность».

Труд подчиняется условиям существования человека. Продукты человеческой деятельности могут быть оценены какой-то общей мерой. Это должен быть чуткий и мобильный реагент, контролирующее и регулирующее средство, подобное арбитру. Такую роль в производственном процессе стали исполнять деньги – древний условный балл оценки продуктивности человека. Монетаристская система при всей её механистичности всегда точно отражала потенциал трудовых усилий каждого члена общества.

Рыночная экономика предполагает максимальное увеличение товарных потоков «туда» и денег «обратно», позволяющих понять, необходима ли в дальнейшем интенсификация производства и в каких видах продукции. Такой подход, если вдуматься, должен отказываться от разделения своей и чужой пользы. Они взаимозависимы. При развитом производстве деньги могут превращаться в самоцель, порождающую ограниченное чувство властных возможностей. Растущее многообразие услуг и вещей успокаивает, но не является гарантией уважения ко всем видам производительного труда. Оно ставит проблемы для разумного его осмысления и должно учитывать опасность достатка, опускающего человека. До полного понимания ситуации человек периода, о котором мы говорим, не дорос.

Он также не понял, что вкладывание денежного эквивалента труда в ценные бумаги, подтверждающие частные инвестиции, надо понимать как гарантию будущей производительности, равносильной работе человека у станка. Последний вносит свой непосредственный трудовой вклад в продукцию, а первый – опосредовано через какие-то фонды, банковский капитал или предпринимательскую идею. Неминуем их приход на общий рынок, где сливается прямой и опосредованный труд. Появляется своего рода «сальдо» усилий. Никакой вражды между дебетом и кредитом быть не должно.

Трезвый предприниматель увидел, что лучший способ обогащения – не за счет других, а вместе с ними. Это верная гарантия стабильности, а значит – будущности.

Следовательно, одно из различий теоретического социализма Маркса от реального состоит в том, что во втором случае работник получает заработанные деньги не от заинтересованного хозяина и организатора производства непосредственно, а через промежуточные инстанции, нейтрализующих интерес рабочих и служащих к трудовым заданиям и мешающих их потребительской оценке. За этим следует ликвидация рынка как института и исчезновение ясности связи «товар – деньги – товар». Обезличивается труд и возможность справедливо оценить его. Попытки при этом устно вдохновить работника нужного результата не дают.

При власти так называемого капитала контакт «труд – оплата» – непосредственный. Количество и качество труда находятся под постоянным вниманием работодателя, приблизившего к себе такой «лакмусовый реагент» как рынок, измеритель правильности создавшейся ситуации. Уровень добросовестности и квалификации рядового работника становятся види-

мыми без всяких промежуточных инстанций и потому неотделимы от труда на каждой его ступени.

Поясним схемой: капитализм – спрос впереди, а предложение позади. Плановый социализм – предложение впереди, а спрос позади.

Понятия «миллионер» и «миллиардер» в большинстве случаев демагогичны. Прибыль крупного предпринимателя идет в общий фонд компании и контролируется его правлением. Без голоса правления предприниматель не может осмыслить все обстоятельства бизнеса. Выпускаемые в этом случае акции создают круг участников. Их вознаграждение – часть прибыли, – доказательство правильного расчёта вложений и справедливости труда. Успех компании и его признание потребителем содержат также моральный стимул.

Большая часть прибыли, получаемой инвестором, не просто хранится, а вкладывается в развитие своего и новых производств, и тем самым увеличивает банковский счет вкладчика после его вложений в качество и количество изделий и оплату всех тех, кто имел к этому отношение. О массовой безработице при росте вложенного в производство капитала не может быть речи.

В начале индустриальной эпохи, которая носила азартные черты и разобщала предпринимателей и работника, было противопоставлено коллективное сопротивление – забастовки. Профсоюзы стали защитой от циничных работодателей.

Рабочие в то же время не понимали, что в человеческом обществе идёт постоянная передача друг другу плодов деятельности. Такие действия являются по своему смыслу актами взаимобмена умственными, эстетическими, материальными ценностями, вызывающими общественную и индивидуальную реакцию на их движение среди людей.

После первых недовольств и социальных волнений государство вложило в расходные части своих бюджетов статьи о социальной помощи, – дети, инвалиды, безработные, престарелые и больные. Инвестор увеличил свои расходы, уменьшив свою прибыль. Изъятие части прибыли, соответственно, уменьшило вырабатываемый продукт. Вместе с тем стала значительней материальная и моральная удовлетворенность рядового работника, а значит – его работоспособность. Производительность труда после этого возросла в большей степени и дала хозяину дополнительную прибыль. Убыток был возмещён сторицей, а классовая враждебность – погашена.

Сторона под названием «наёмный труд» становилась заинтересованной не только в своей доле прибыли, но и хозяина. Рабочий стал понимать, что во всех случаях часть вложенных в производство средств попадёт ему в руки. Увеличение зарплаты стало не только стимулом, но и одним из видов инвестиций для более справедливого выбора рабочим и потребителем объекта своего труда. Конкуренция внутри каждого вида бизнеса, – которое из производств приносит больший доход? – перспективна для общества. При дальнейшем развитии производства и информации секреты бизнеса делаются гласными. Это ничем не угрожает хозяину и работнику. Осуществлённые новации не всегда могут быть применены на другом производстве. Значит, конкуренция остаётся, разве только без военных тайн. Они – издержки развития общества.

Логику Маркса и Энгельса стало возможным не принимать, ибо в основе её радикализма, как люди поняли позже, находилось стремление сделать из мухи общественных проблем слона малопродуктивного производства, называемого «социализмом». В России этот «слон» показал себя тотальным командным строем и жестокой эксплуатацией человека.

Такова природа не стимулированного труда.

Всё это было понято значительно позже.

Пока же путь к справедливому распределению продукта труда между сторонами склонялся к насилию. Люди хотели снести растущий разрыв собственности и установить материальное равенство – идеал справедливости. Они мечтали уничтожить торг и деньги, ликвидиро-

вать корыстолюбие и ввести экономические отношения по совести. Так формулировало цель коммунистическое учение.

Если б авторы оглянулись вокруг – жизнь показала бы им, что до возникновения этой идеи речь шла о природных законах отбора людей, запечатлённых в теории социального дарвинизма, то есть в состязательном отборе наиболее способных. Все получали уровень жизни по заслугам. В эпоху быстрого экономического развития такой отбор стал более жёстким. Поэтому, согласно отсталой мысли, должна была произойти замена конкуренции на регулируемую сверху справедливость и отвержение естественного отбора.

Здравый смысл намекал политическим бунтарям не бежать впереди паровоза, а спокойно сесть в вагоны эволюционного движения. Такой поезд неминуемо достигнет бегущего революционера. Отскочив в сторону, тот убедится, что эволюция приводит к лучшим результатам, нежели насильственная власть. Она не может быть прогрессивной потому, что эксплуатация человека увеличивается бюрократией единовластного государства. Социальный опыт в дальнейшем показал, что революционное насилие не просто жестоко. Оно не может быть средством внедрения гуманных идей – здесь одно противоречит другому. Такое мы уже наблюдали в эпоху насильственного внедрения христианской морали.

Разве теоретики марксизма не понимали этого? Столь развитые люди не могли обойти такой вариант. Остаётся полагать, что система доказательств, выраженная в труде «Капитал», ведёт свой исток от личного неприятия этими учёными политического строя своего времени. То есть от чувства, направляющего работать ум.

Революционность – накал чувственности, не затрудняющий себя трезвым анализом происходящего. Эволюция по мере роста – продуманный противовес экстремистского мышления. В разгуле чувств это трудно было понять, и такое состояние смогли использовать бесчестные люди. Для них прогресс двух веков, увеличение численности населения и создаваемых им ценностей означал высокие возможности прихода к власти, которую нельзя упустить. Мода на социализм и коммунизм могла прикрыть стремления к власти вплоть до ликвидации моральных начал и употребления бесчестных методов. Традиционное понятие чести должно быть отвергнуто. Новую честь называли «революционной», хотя она была способна только на унижение человека. Это был разрушительный идиом, нужный для прикрытия необузданного желания маньяков единовластно руководить людьми. Для маскировки зажгли вдали маяк коммунизма. Политическая спекуляция стала частью истории того периода и, как мы теперь знаем, признаком её конца. Мы расскажем об этом, как о важнейшем периоде истории, согласно которому властолюбие человека может не знать пределов, а народ, поддавшийся ему, ждёт катастрофа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.